Третий пар

Сказ о бане у перевоза

Ульяна Поречная

Третий пар

«Автор»
2026

Поречная У.

Третий пар / У. Поречная — «Автор», 2026

Свёкра схоронили на Покров, а у могилы Варе напомнили про долг: шестьдесят серебряников купцу Гордею, срок до ледохода. Вдове остались курная баня у перевоза, свекровь, которая молчит о главном, и книга расходов, где на счету каждый медяк.Варя умеет считать, торговаться и читать договоры. Одного она не учла: в бане есть хозяин. Банник ворчлив, памятлив и держит слово, а от хозяйки требует того же. Ночью сюда не ходят, третий пар принадлежит ему, а цену за помощь он назначает сам.Долг не ждёт, баню кто-то портит, а у перевоза затевается княжье дело, после которого от бани может не остаться и порога. Чтобы сохранить своё, Варе придётся договориться и с купцом, и с князем, и с тем, кто живёт за каменкой. А ещё с неразговорчивым мытником, который читает писцовую книгу лучше всех в посаде.Уютное бытовое фэнтези на славянском фольклоре: своё дело, честный счёт, нечисть со своими правилами и неспешная любовь.

© Поречная У., 2026
© Автор, 2026

Ульяна Поречная
Третий пар

Глава 1

Копальщики запросили по лишнему медяку на брата. На Покров земля уже взялась коркой, и заступ звенел о неё, как о сковородку. Варя отсчитала четыре медяка сверх уговора и подумала, что в книге их придётся писать под словом «прочее». Самой книги она ещё в руках не держала. Свёкор не давал её никому, даже Ивану.

Гроб обошёлся в серебряник с половиной. Отцу Никодиму за отпевание ушёл серебряник, мёд на кутью стоил шесть медяков. Всю дорогу от избы до сосновецкого погоста Варя держала эти числа в голове. С ними было легче идти за гробом.

Петра положили рядом с сыном. Крест на Ивановой могиле Варя ставила сама в апреле. За лето он посерел, а с северной стороны оброс зелёной плёнкой. Варя поглядела на него и перевела глаза на Никодима.

Отец Никодим пел скоро. С утра он уже отпел купчиху в посаде, и от рясы тянуло чужим ладаном, подороже здешнего. Пётр Акимыч Лыков, три дня как покойник, лежал строгий, с расчёсанной бородой. Ладони у него так и остались тёмными: сорок лет сажи никакой щёлок не берёт. Агафья тёрла их полдня, потом бросила и сложила как есть.

На погост пришло двенадцать человек, если считать Никодима. Паромщик Тихон стоял без шапки, мял её в кулаке и сердито глядел на реку. Прачка Настасья плакала за всех сразу, громко и с чувством. Остальные переминались с ноги на ногу и ждали кутьи. Сорок лет Пётр мыл весь Перевоз, и половина Перевоза нашла сегодня дела дома.

Агафья стояла у края ямы, спрятав руки под передник. Она не плакала. Когда гроб опустили, она бросила горсть земли, обтёрла пальцы о передник и снова убрала руки.

Дрожки Варя услышала раньше, чем увидела. Они шли из посада шагом, с бубенцом под дугой. Гордей Сысоев слез, оправил лисью шубу и перекрестился широко, от лба до самого живота. На пальцах у него сидели три перстня. Один он повернул камнем внутрь, видно, из уважения к покойнику.

Сначала Гордей подошёл к Никодиму и вложил ему в ладонь серебряник.

— На сорокоуст, батюшка. Пусть поминают раба Божьего.

Никодим кивнул и убрал монету в рукав. Гордей повернулся к вдовам и поклонился. Поклон вышел неглубокий, шуба не пускала.

— Варвара Матвеевна. Агафья Прокопьевна. Царствие небесное Петру Акимычу. Крепкий был мужик, нынче таких не делают.

— Спасибо, Гордей Фомич, — сказала Варя.

Агафья смотрела в яму. Копальщики бросали землю, и комья стучали по крышке гроба, будто кто просился войти.

— Я ведь не с одним поклоном, — Гордей вздохнул. — Ежели в чём нужда будет, вы говорите. Дров там, муки. Свои люди, сочтёмся.

— Сочтёмся, — согласилась Варя.

Эту присказку она знала по конторе Ипатова. Там её говорили перед тем, как поднять цену.

Гордей помолчал, глядя на неё ласково, как на дитя. Потом заговорил громче, чтобы слышали Тихон с Настасьей и все, кто ждал кутьи:

— Вы только не подумайте, Варвара Матвеевна, будто Сысоев с вдов на погосте спрашивает. Не спрашивает. Напоминает, по-соседски. Пётр Акимыч брал у меня шестьдесят сереб-

ряников, по записи, и руку свою приложил. Срок ледоход. Долг, он ведь не волк, в лес не убежит. Да и сам не растает.

Настасья перестала плакать. Тихон надел шапку.

Про долг Варя знала. Свёкор сказал ей за неделю до смерти, глядя в матицу: шестьдесят, Сысоеву, к ледоходу. Больше ничего не прибавил и отвернулся к стене. Теперь об этом знал весь Перевоз, а к вечеру будет знать и посад.

— Запись покажете? — спросила Варя.

— Да хоть завтра. С печатью, при свидетелях. Вы ж грамотная, Варвара Матвеевна, у Саввы Лукича соль считали. Вам и читать.

— Пришлите список. Я прочту.

— Списков не даю, бумага нынче дорогая. — Гордей улыбнулся. — А прочесть приезжайте. Сбитнем напою, у меня сбитень с перцем.

Он поклонился ещё раз, теперь одной Агафье.

— Держитесь, Агафья Прокопьевна. Бог терпел и нам велел.

Агафья поправила платок и не обернулась. Гордей постоял, будто ждал, что она передумает. Потом пошёл к дрожкам. Бубенец звякнул и затих за ельником.

— Нашёл место, — сказал Тихон и сплюнул. — Ласковый.

— Кутья стынет, — сказала Агафья.

Поминали в избе у бани. Ели кутью и блины с мёдом, пили кисель и Тихонову брагу, которую он сам принёс в кувшине и сам почти всю выпил. Вспоминали, как Пётр в большую воду таскал дрова из затопленного дровяника и как парил на спор троих купцов подряд. Потом разговор съехал на посад.

— У Сысоева в белой бане, говорят, зеркало в предбаннике, — сказала Настасья, собирая блины в платок. — В рост! Бабы ходят глядеться.

— Мыться надо, а не глядеться, — буркнул Тихон.

— Там и мыться чище. Дыма нет, сажи нет. А всего четыре медяка.

— У Петра было три.

— Было, — сказала Настасья и затянула узелок.

Когда ушёл последний гость, совсем стемнело. Агафья осталась собирать со стола. Варя зажгла фонарь и пошла смотреть, что ей досталось.

Начала с дровяника. Под навесом лежали берёзовые и осиновые поленья, сложенные кое-как, с просветами. Варя прошла вдоль поленницы, считая ряды. Выходило четверть сажени, и то если считать щедро. На две топки. Сажень в посаде стоила два серебряника, если возчик не накинет за дорогу. Возчики накидывали всегда.

Дверь бани подалась туго и скрипнула. В предбаннике пахло холодной сажей и мышами. Под потолком на жерди висели прошлогодние веники. Варя задела один плечом, и на сапоги посыпался лист, сухой, как бумага. На доске у двери лежала книга, завёрнутая в холстину. Под лавкой стоял сундучок, окованный по углам, с висячим замком. Варя дёрнула замок. Заперто.

В мыльне она стукнула костяшками по кадке. Кадка отозвалась пусто, как короб. Между клёпками светились щели в ноготь шириной, верхний обруч сполз до половины. Вторая кадка была не лучше, третья ещё хуже. Чтобы они набухли, их надо было налить до краёв и держать так два дня. По двадцать вёдер в кадку, шестьдесят вёдер от колодца. На дне горшка для щёлока засохла серая корка.

В парную Варя вошла пригнувшись. Волоковое оконце под потолком стояло открытым, из него тянуло рекой. Варя задвинула его доской. Каменка была холодная. Варя положила ладонь на камни, и ладонь стала чёрной. Полок посерел и рассохся, под ним в углу лежал сметённый лист. Варя села на нижнюю ступень, поставила фонарь рядом и развернула холстину.

Свёкор писал крупно и косо, давил на перо так, что местами прорывал лист. В августе он писал каждый день. Двенадцатого: четырнадцать помывок, пять с веником, шестьдесят семь

медяков. Варя проверила в уме, сошлось. В сентябре записи шли только по субботам. Четыре помывки. Три и одна с веником. Последняя строка стояла двадцать третьего сентября: две помывки, шесть медяков.

Дальше шли пустые листы. На первом свёкор заранее вывел число, тридцатое, и больше ничего не написал. В тот день он не встал с лавки.

Варя знала, что в сентябре баню топили редко. Она сама носила воду и видела, что народу мало. Сколько именно, свёкор ей не говорил.

Она положила книгу на полок, раскрытой, и тут в дверях парной встала Агафья. Фонаря у неё не было. По своему двору Агафья ходила в темноте, как днём.

— Сало жжёшь, — сказала она.

— Смотрю.

— Насмотрелась?

— Ключ от сундучка где, матушка?

Агафья не ответила. Потом сунула руку за ворот и вытянула гайтан. Рядом с крестом на нём висел ключ. Варя видела его прежде на шее у свёкра.

— На что тебе?

— Считать.

— Сколько ни считай, больше не станет.

— Зато буду знать сколько.

Агафья стянула гайтан через голову, сняла ключ и протянула его Варе. Крест она надела обратно. Ключ был тёплый.

Замок открылся с третьего раза, его заедало. В сундучке лежала тряпица, в тряпице четыре серебряника. На дне россыпью темнела медь. Варя высыпала её на ладонь и пересчитала дважды. Двадцать три медяка, два стёрты почти добела, такие в посаде берут неохотно.

— Было восемь серебряников, — сказала Агафья. — Гроб, батюшка.

— Знаю. Я платила.

До ледохода оставалось полгода, двадцать шесть недель. Шестьдесят серебряников на двадцать шесть недель выходило по два серебряника и шесть медяков с небольшим. Ещё два за сажень, если топить каждый день. Восемьдесят шесть медяков в неделю, двадцать девять помывок, и это чтобы только стоять на месте. Без мыла, без веников, без хлеба. Денег в сундучке было на одну такую неделю и семнадцать медяков сверху. Двадцать третьего сентября пришли двое.

Варя ссыпала медь обратно и закрыла крышку.

— Он с сентября по субботам топил?

— Когда топил, когда нет.

— Почему?

— Народу не было.

— А почему не было?

Агафья пожевала губами.

— Ты ж слышала. Зеркало у них.

— За зеркало лишний медяк не платят.

— Платят, как видишь.

Варя потёрла чёрную ладонь о передник. Сажа въелась в цыпки и не стиралась.

— Завтра налью кадки, — сказала она. — Пусть набухают. К субботе дров надо, хоть сажень.

— Топить собралась?

— Собралась.

— Для кого?

— Для кого придёт.

— Пустую баню топить, что дым по ветру пускать.

— Холодная баня гниёт скорей, — сказала Варя. — Полок вон уже посерел.

Агафья посмотрела на полок. Смотрела долго, дольше, чем стоит смотреть на доски. Потом сказала, не поднимая глаз:

— Ночью сюда не ходи.

— Это почему?

— Не ходи, и всё.

— Матушка, я спросила почему.

— А я ответила. — Агафья наконец глянула на неё. — Всякому часу своё дело. Днём ходи сколько хочешь. Ночью сиди в избе.

— А Пётр Акимыч ночью ходил?

— Пётр Акимыч на погосте лежит. Ему теперь всё одно.

Варя встала со ступени. Ростом она была Агафье по плечо, и сейчас ей это не нравилось.

— Баня теперь моя, матушка. И долг мой. Хозяйка тут я, мне и решать, когда ходить.

Агафья помолчала. В фонаре треснуло сало, огонёк присел и выпрямился.

— Хозяйка, — повторила Агафья, будто пробовала слово на зуб. — Ну, хозяйка, гаси фонарь. Свеча по медяку.

Она ушла, не прикрыв за собой дверь. Варя подхватила фонарь, сунула сундучок под мышку и пошла следом. Дверь бани она закрыла сама и задвинула щеколду снаружи.

Агафья уснула быстро. С печи было слышно, как она посвистывает носом, ровно, на один лад. Варя лежала на лавке под тулупом и считала.

Двадцать девять помывок в неделю. В августе свёкор делал столько за два дня. Сколько баня давала в лучшую неделю, Варя не посчитала, а без этого числа с возчиком говорить было не о чем. Она начала складывать август по памяти и сбилась на седьмом дне. Четырнадцать помнила, шестьдесят семь помнила. Остальное память не отдавала.

Книга осталась в парной. Раскрытая, на полке, там, где Варя её положила, когда в дверях встала Агафья.

Варя полежала ещё. Повернулась на бок, потом на спину. Сундучок стоял под лавкой, и она дважды проверила рукой, на месте ли. Ночью она в баню не ходила и прежде. Никто не запрещал, просто не ходила. А теперь запретили, и от этого лежать стало ещё хуже.

За полночь она встала.

Сапоги у порога выстыли. Варя обулась, накинула платок поверх рубахи, тулуп на плечи. Сальный огарок нашла на ощупь у печи и зажгла его от углей в загнётке. Агафья на печи всё так же посвистывала.

Во дворе подморозило. Трава хрустела под ногами, у колодца белела наледь. Над рекой стояли звёзды, внизу поскрипывал паромный канат. Огонёк рвался в сторону, и Варя прикрывала его ладонью, пока не дошла до бани.

Щеколда стояла, как Варя её задвинула. Дверь скрипнула так же, как вечером. В предбаннике пахло сажей и мышами, сухие веники шелестели над головой, когда она проходила. Варя пригнулась и шагнула в парную.

Здесь пахло берёзовым листом. Не сухим, как от веников в предбаннике, а свежим и распаренным, будто веник только что вынули из шайки с кипятком. Варя остановилась на пороге. Три недели в эту баню не носили воды. Она протянула руку к каменке. Камни были холодные, как речная галька в октябре.

Книга лежала на полке, где Варя её оставила. Рядом с книгой темнел след.

Варя поднесла огарок. Узкая ступня, пальцы отдельно, пятка круглая. В пятке стояла вода и блестела. Варя приложила рядом свою ладонь, не касаясь досок. След был короче ладони. Вечером, когда она клала сюда книгу, доски были серые и сухие, она это помнила точно.

За каменкой зашуршало.

Так шуршит лист, когда его ворошат пальцем. Шорох прошёл вдоль стены от угла к углу и стих. Стало слышно, как в мыльне капает. В мыльне не было ни капли воды. Кадки Варя вечером простучала сама.

Огонёк на огарке стоял ровно, не дрожал. Варя подняла глаза на волоковое оконце. Доска лежала на месте, как она её задвинула. Дверь за спиной была прикрыта. Огонёк вытянулся, посинел у основания и стал меньше горошины. Фитиль ещё тлел красной точкой. Потом не стало и её.

В темноте берёзовый дух стал гуще. Варя протянула руку туда, где был полок, и нащупала доски. Потом край книги. Угол переплёта был влажный. Книгу она взяла обеими руками и прижала к груди так, что застёжка врезалась в ладонь.

До двери было четыре шага. Днём Варя их не считала, а теперь считала шёпотом, как медь. Раз. Два. За спиной опять зашуршало, долго, будто лист пересыпали из горсти в горсть. Варя не обернулась. Три. На четвёртом она пригнулась и задела плечом косяк.

Наружную дверь она толкнула не с той стороны, ладонь проехала по брёвнам. Со второго раза дверь подалась. Во дворе было светлее, чем в бане. Варя закрыла дверь, задвинула щеколду и только тогда увидела, что до сих пор сжимает в кулаке погасший огарок. Плечо заныло.

К избе она шла не быстро и ни разу не оглянулась.

В избе было темно и тепло. На печи никто не посвистывал. Варя легла на лавку, положила книгу себе на грудь и накрыла её ладонью. От пальцев пахло берёзовым листом. Так она и пролежала без сна, пока не посерело окно.